

**Эволюция первичных разрядов местоимений
в мокшанском диалектном ареале**

М. З. Левина

Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва,

г. Саранск, Российская Федерация,

Lev.Mariya@mail.ru

Н. В. Левин

Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва,

г. Саранск, Российская Федерация,

levin.kolya19971997@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Введение. Изучение диалектных особенностей мордовских (мокшанского и эрзянского) языков — одна из актуальных задач как мордовского, так и финно-угорского языкознания в целом. Важность данной проблемы определяется необходимостью представления диалектного своеобразия мордовских языков в связи с исчезновением ряда говоров.

В статье рассматриваются эволюция и репрезентация первичных местоименных основ, а также других формантов, утративших живые словообразовательные связи, интерпретирующиеся как аффиксы; особенности функционирования и изоглоссы распространения первичных местоименных образований в мокшанском диалектном ареале.

Цель: выявление диалектных особенностей, а также закономерностей, которые привели к структурным изменениям первичных местоименных слов в говорах и диалектах мокшанского языка.

Материалы исследования: языковые материалы авторов, собранные во время экспедиций на территории Республики Мордовия и за её пределами.

Результаты и научная новизна. В результате проведённого исследования выявлены отличительные особенности функционирования первичных местоименных образований, обогатившие систему местоимений диалектов мокшанского языка, а также определены изоглоссы распространения первичных местоименных образований в мокшанском диалектном ареале. Анализ языкового материала показывает, что данные разряды отличаются вариантностью диалектных форм в словоизменительных парадигмах, а также сложными образованиями, приведшими к структурным изменениям первичных местоимений и отсутствующими в мокшанском литературном языке.

Научная новизна исследования заключается в систематизации диалектных особенностей в области первичных местоименных разрядов в мокшанском диалектном ареале.

Ключевые слова: первичные разряды местоимений, личные местоимения, указательные местоимения, местоименные образования, дейктические частицы, падежные форманты, аффиксы

Для цитирования: Левина М. З., Левин Н. В. Эволюция первичных разрядов местоимений в мокшанском диалектном ареале // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 1 (52). С. 92–102.

**Evolution of the primary categories of pronouns
in the Moksha dialect area**

M. Z. Levina

National Research Ogarev Mordovia State University,

Saransk, Russian Federation,

Lev.Mariya@mail.ru

N. V. Levin

National Research Ogarev Mordovia State University,

Saransk, Russian Federation,

levin.kolya19971997@mail.ru

ABSTRACT

Introduction: the study of the dialectal features of the Mordovian (Moksha and Erzya) languages is one of the urgent tasks of both Mordovian and Finno-Ugric linguistics in general. The importance of this problem is determined by the need to represent the dialectal originality of the Mordovian languages in connection with the disappearance of a number of dialects.

The article considers the evolution and representation of primary pronominal stems, as well as other formants that have lost living word-formative connections, which are interpreted as affixes; features of functioning and isoglosses of the distribution of primary pronominal formations in the Moksha dialect area.

Objective: identification of dialectal features, as well as patterns that led to structural changes in primary pronouns in subdialects and dialects of the Moksha language.

Research materials: language materials of the authors collected during expeditions in the territory of the Republic of Mordovia and beyond.

Results and novelty of the research: as a result of the study, the distinctive features of the functioning of primary pronominal formations were revealed, which enriched the system of pronouns of the Moksha language dialects, and the isoglosses of the distribution of primary pronominal formations in the Moksha dialect area were determined. The analysis of the linguistic material shows that these categories differ by variation of dialect forms in inflectional paradigms, as well as complex formations that led to structural changes in primary pronouns and are absent in the Moksha literary language.

The scientific novelty of the research lies in the systematization of dialectal features in the field of primary pronominal categories in the Moksha dialect area.

Key words: primary categories of pronouns, personal pronouns, demonstrative pronouns, pronoun formations, deictic particles, case formants, affixes

For citation: Levina M. Z., Levin N. V. Evolution of the primary categories of pronouns in the Moksha dialect area // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric studies, 2022; 12(4): 92–102.

Введение

Происхождение личных, указательных и вопросительных местоимений от первичных указательных частиц аргументировано материалами из уральских языков: манс. *ta* 'этот', 'значит', 'тогда', 'так'; *ti* 'этот', 'значит', 'вот'; селькуп. *to* 'этот', 'там' и т. д. По мнению Б. А. Серебренникова, указательные слова произошли от первичных деиктических частиц, то есть указательных слов в широком смысле, выполнявших функции как разных местоимений, так и наречий и частиц [17, 191; 9, 5].

В финно-угорском языке-основе наличествовала трёхразрядная система местоимений: указательные, личные, вопросительные, которая нашла своё отражение в современных финно-угорских языках, и поскольку не исчез ни один из упомянутых разрядов, названа нами первичными [9, 5].

Актуальность темы определяется необходимостью представления диалектного материала по первичным местоименным разрядам, выявлением характерных особенностей функционирования и изоглоссы распространения местоименных образований в мокшанском диалектном ареале, что немыслимо без глубокого и всестороннего изучения говоров мордовских языков.

Вопросы, связанные с изучением и происхождением местоименных слов, представлены в ряде работ известных исследователей [14; 15; 16; 23; 24; 25; 26; 27], где освещаются процессы длительного развития и преобразования местоименных основ в сравнительно-историческом плане.

В мордовских языках проблемам изучения и функционирования местоимений посвящены исследования многих авторов (Н. А. Агафонова, Н. Н. Рябов [1], К. И. Ананьина [3], П. Г. Балакин [4], Г. И. Ермушкин [7], Г. С. Иванова [8], М. З. Левина [9; 10], С. И. Липатов [12],

К. Е. Майтинская [13] и др.), где достаточно подробно показаны языковые явления в системе словоизменения, проблемы диалектной вариативности. Однако следует обратить внимание на некоторые аспекты изучения местоименных слов в диалектах мокшанского языка в связи с исчезновением ряда говоров как на территории Республики Мордовия, так и за её пределами.

Материалы и методы

Материалом исследования стали данные 2017–2020 гг., полученные в ходе диалектологических экспедиций на территории Республики Мордовия (Атюрьевский, Торбеевский, Zubovo-Полянский и Инсарский районы) и за её пределами (Республика Татарстан, Пензенская область). Для сравнительно-сопоставительного анализа использовались материалы литературных мокшанского и эрзянского языков [14; 19; 20].

В статье применены сравнительный, сопоставительный, структурный и лингвогеографический методы исследования, позволяющие выявить закономерности, которые привели к структурным изменениям личных и указательных местоимений в мокшанском диалектном ареале.

Результаты

Известно, что местоимения являются первыми словами-формами с обобщённым значением. Отметим, в финно-угорских языках местоименные корни обладали указательными значениями и восходили к указательным основам. Происхождение первичных разрядов местоимений от указательных частиц подтверждал венгерский языковед Д. Фокош материалами из уральских языков. Данной теории придерживался и Б. А. Серебренников, отмечая: «указательные

слова восходят к первичным дейктическим частицам, то есть указательным словам в широком смысле слова, выполняющим функции как местоимений, так и частиц, и наречий» [16, 191; 9, 5]. Трёхразрядная система местоимений выявлялась в финно-угорском языке-основе и находит своё место в современных финно-угорских языках, в том числе и мордовских (мокшанском и эрзянском), поэтому разряды личных, указательных и вопросительных названы нами первичными [9, 5].

Личные местоимения. Разряд личных местоимений составляют: *mon / tən / monə* ‘я’, *ton / tən / tonə* ‘ты’, *son / sən / sonə* ‘он / она’, *miñ* ‘мы’, *iñ* ‘вы’, *šiñ / siñ* ‘они’ восходят к финно-угорским местоименным основам **me-*, **te-*, **se-*, по структуре состоят из следующих элементов: 1) согласных *m-*, *t-*, *s-*, указывающих на лицо; 2) гласный *-e-* 3) суффикс финно-угорского происхождения *-n*, который восходит к основе *n*-ового указательного местоимения и используется для оформления категории личности. Личные местоимения множественного числа, как отмечают лингвисты, существовали уже в прафинно-угорском периоде с такой же корневой основой, но отличались от местоимений единственного числа отсутствием местоименного суффикса *-n*. Сравни: **mi* - *nä* / **te* - *nä* ‘я’ – **mr* ‘мы’, **ti*-*nä* ‘ты’ – **ti* / **te* ‘вы’). Формы *miñ* ‘мы’, ‘наш’, *iñ* ‘вы’, ‘ваш’, *šiñ / siñ* ‘они’, ‘их’ возникли по аналогии с формами единственного числа *moñ* ‘меня’, *toñ* ‘тебя’, *soñ* ‘его / её’ [9, 6; 17, 87].

Местоименные формы в мокшанском диалектном ареале отличаются от форм литературного

языка вариантностью диалектных форм в словоизменительных парадигмах, сложными образованиями, отсутствующими в мокшанском литературном языке. Также данные местоимения могут функционировать с лично-притяжательными аффиксами, соответственно, и лицо в данных формах выражается как самим местоимением, так и аффиксом лично-притяжательности соответствующего лица.

Личные местоимения в номинативе различны лишь фонетическим оформлением. В формах 1-го, 2-го и 3-го лица единственного числа *tən* ‘я’, *tən* ‘ты’, *sən* ‘он / она’, которые функционируют в северной подгруппе говоров центрального диалекта, происходит редукция гласного, сравни: мокш. лит. *mon* ‘я’, *ton* ‘ты’, *son* ‘он / она’. Характерной особенностью данной группы говоров является употребление в анлауте слов непалатализованного *-s-* перед гласным переднего ряда, что характерно и для личного местоимения *siñ* ‘они’.

Генитив личных местоимений образуется с помощью морфемы *-ñ*, который совмещает в себе формант падежа и лица. В говорах западного и частично переходного диалектов от личных местоимений *mon* ‘я’, *ton* ‘ты’, *son* ‘он / она’ образуются формы *mojn* ‘меня’, ‘мой’, *tojn* ‘тебя’, ‘твой’, *sojn* ‘его / её’, где показатель *j* как результат чередования, что характерно и для эрзянского языка *n* // *j*: ср. гов. с. Верх.Акташ (Респ. Татарстан) *moñeñ* и *mojeñ* ‘мне’, *toñet* и *tojet* ‘тебе’, *soñeñde* и *sojende* ‘ему’ [7, 75]. Показатель *j* выявляется и в формах компаратива, абессива и каузатива, которые образованы на основе генитива. Например:

падеж	зап. д.	мокш. лит.	перевод
Комп.	<i>mojñčkasən</i>	<i>moñškan</i>	ростом как я
Абес.	<i>mojñftəmn</i>	<i>moñftəmn</i>	без меня
Кауз.	<i>mojñksən</i>	<i>moñksən</i>	из-за меня

По предположениям Д. В. Цыганкина, данное чередование носит диссимилятивный характер [20, 70; 21, 511]. Первоначально элемент *-j* дифференцировал генитив личных местоимений от разряда притяжательных: ген. личн.: *moñ* ‘меня’, *toñ* ‘тебя’, *soñ* ‘его / её’; притяж.: *mojñ* мой, *tojñ* твой, *sojñ* ‘его / её’, мокш. лит. *moñ* ‘меня’, *toñ* ‘тебя’, *soñ* ‘его / её’ (ген. личн.; притяж.). В настоящее время в исследуемых говорах данная функция утрачена, ср.: [*mojñ jalgažə goš*] – ‘Мой друг хороший’, [*mojñ tērdətaž ulčav*] – ‘Меня позвали на улицу’ [9, 6].

Генитив форм личных местоимений множественного числа по грамматическому оформлению не различается с формой номинатива *miñ* ‘мы’, *iñ* ‘вы’, *šiñ / siñ* ‘они’.

Датив представлен двумя синонимичными формами, которые выступают как параллельные образования:

1) с местоименной основой с послелогом *tej-* ‘к чему- / кому-либо’ + лично-притяжательный суффикс соответствующего лица;

2) без местоименной основы, представляющие послеложные образования с суффиксами притяжательности.

Например:

центр.д.	юго-вост.д.	юго-зап.г.	мокш. лит	перевод
<i>mońd'ijñä</i> (e, ə) <i>mońd'ejañ</i> / <i>tejañ</i>	<i>mońd'iñe</i> / <i>tijñe</i>	<i>mońd'ijñ</i> / <i>tijñ</i>	<i>mońd'ejne</i> / <i>tejne</i>	мне
<i>tońd'ejt</i> / <i>tejať</i> / <i>teť</i>	<i>tońd'it</i> / <i>tit</i>	<i>tońd'it</i> / <i>tijt</i>	<i>tońd'ejt</i> / <i>tejt</i>	тебе
<i>sońd'ejańdza</i> (ə) / <i>tejańdza</i> (ə)	<i>sońd'ijandza</i> / <i>šijandza</i>	<i>sońd'ijandza</i> / <i>tijandza</i>	<i>sońd'ejańdza</i> / <i>tejańdza</i>	ему / её

Как отмечают многие исследователи, послеложные образования датива характерны и для говоров эрзянского языка *teñ* ‘мне’, *teť* ‘тебе’, *tenze* ‘ему’, а также смешанных говоров мокшанского языка *teñ* ‘мне’, *teť* ‘тебе’, *tenze* ‘ему’ [1, 17; 3, 15].

В некоторых говорах центрального и юго-восточного диалектов мокшанского языка функционирует форма датива *mońd'ijñä* / *mońd'iñe*(ə) (центр. д.), *mońd'iñe* (юго-вост. д.), м. лит. *mońd'ejne* ‘мне’, которая образована от личного местоимения 1-го лица единственного числа *mon-* ‘я’ + *di-* / *dij-* формант датива и элемент *-ñä*, *-ñe*(ə) рассматриваемый как вариант притяжательного суффикса соответствующего лица.

В говорах северной подгруппы центрального диалекта, а также в говорах юго-восточного

диалекта мокшанского языка функционируют формы личных местоимений 3-го лица единственного и множественного числа *šijandza*(ə) ‘ему/ей’, *šijast* ‘им’, возникновение которых, возможно, связано с методом противопоставления: *tijandza*(ə) ~ *šijandza*(ə) ‘ему /ей’, *tijast* ~ *šijast* ‘им’, то есть по аналогии *tä* ‘этот’ ~ *šä* ‘тот’. Образования *šijandza*(ə) ‘ему /ей’, *šijast* ‘им’ выражают оппозицию по дальнему расположению относительно говорящего [9, 7].

Падежные формы личных местоимений, начиная с аблатива, образуются на основе генитива личного местоимения. Во многих диалектах и говорах мокшанского языка функционирует удвоенный аблативный формант (*d* + гласный). Подобное явление выявляется и в эрзянском языке:

центр. д.	юго-вост. д.	зап. д.	эрз. яз.	мокш. лит.	перевод
<i>mońd'ədən</i>	<i>mońd'ədən</i>	<i>mońd'ədn</i> / <i>mońd'ədədn</i>	<i>mońd'eñ</i> / <i>mońd'ed'eñ</i>	<i>mońd'ədən</i>	от меня
<i>tońd'ədət</i>	<i>tońd'ədət</i>	<i>tońd'ədət</i> / <i>tońd'ədədt</i>	<i>tońd'eť</i> , <i>tońd'ed'eť</i>	<i>tońd'ədət</i>	от тебя
<i>sońd'ədənza</i> (ə)	<i>sońd'ədənza</i>	<i>sońd'ədənza</i> / <i>sońd'ədədnza</i>	<i>sońd'enze</i> , <i>sońd'ed'enze</i>	<i>sońd'ədənza</i>	от него / неё

Следует обратить внимание на образование местоименных форм аблатива с утроенным падежным показателем: *moń-d'ə-də-d-n* ‘от меня’, *toń-d'ə-də-d-t* ‘от тебя’ и т. д., что характерно для говоров западного, частично переходного диалектов мокшанского языка. Аналогичные образования зафиксировал С. З. Деваев в средне-вадском ареале говоров мокшанского языка [6, 374].

В рыбкинско-мамолаевском ареале говоров центрального диалекта аблатив личного местоимения 1-го лица множественного числа образуется с помощью единичной морфемы как и в эрзянском языке: *miñ-d'e-ñk*, эрз. лит. *miñ-d'e-ñek*, мокш. лит. *miñ-d'ə-də-ñk* ‘от нас’ [22, 257].

В образованиях других падежей (прежде всего, пространственных) чаще всего наблюдается тенденция замены синтетических падежных аналитическими конструкциями: сочетание генитивной формы личных местоимений с послеложными *esə*, *inksə*, *lasə*, к которым агглютинируют посессивные суффиксы: *ezdən* / *moń ezdən*, *izdən* / *moń izdən*, *jezdədn* / *moń jezdədn* ‘от меня’, *ezdət*

/ *toń ezdət*, *izdət* / *toń izdət*, *jezdədət* / *toń jezdədət* ‘от тебя’. Для форм с послеложной конструкцией характерно усиление значения. Подобные образования свойственны для таких косвенных падежей, как датив, аблатив, инессив, элатив, иллатив, пролатив, компаратив говоров эрзянского языка [2, 84].

Формы инессива личных местоимений функционируют в значении наречий и в мокшанском диалектном ареале используются редко: *moñcən* ‘во мне’, ‘по-моему’; *toñcət* ‘в тебе’, ‘по-твоему’; *soñcənza*(ə) ‘в нём /ней’, ‘по его /её (мнению)’; *miñcənək(-nk)* ‘в нас’, ‘по-нашему’, *t'iñcənt* ‘в вас’, ‘по-вашему’, *šiñcəst* ‘в них’, ‘по их (мнению)’.

Послеложные формы компаратива *eškan* / *iškan* / *eñčkan* ‘ростом как я’, *eškat* / *iškat* / *eñčkat* ‘ростом как ты’, *eškandza*(ə) / *iškandza*(ə) / *eñčkandza*(ə) ‘ростом как он/она’ весьма употребительны в диалектах мокшанского языка и образованы от видоизменённого послелога *eš* к которому агглютинирует падежный формант и лично-притяжательный аффикс *-n*, *-t*, *-nza*, *-nk*, *-nt*, *-st* [9, 7].

Во многих говорах западного диалекта мокшанского языка значение компаратива передаётся синтетическими конструкциями, образованными на основе: генитив личных местоимений + падежный формант компаратива + падежный формант инессива + лично-притяжательный суффикс: *moń-čka-sə-n* / *mojń-čka-sə-n*, мокш. лит. *moń-ška-n* 'ростом как я' и т. д.

В юго-восточном диалекте формы данного падежа *moń-t'-ftəmə-n*, *toń-t'-ftəmə-t*, *soń-t'-ftəmə-ndza(ə)*, мокш. лит. *moń-ftəmə-n* 'без меня', *tońftəmət* 'без тебя', *sońftəməndza* 'без него / неё' образованы иначе, чем в мокшанском литературном языке. Падежный формант **-ftəmə** следует

за элементом **-t-**, который является показателем определённости. Данный формант возник от ***-ńt'** > **t't'** > **t'** [19, 77; 11, 108].

Каузатив в мокшанском диалектном ареале передаётся 1) аналитической конструкцией: генитив личного местоимения + послелог; 2) послелогом в лично-притяжательной форме: *mojń (moń) inksən* / *inksən* 'за меня'; *tojń (toń) inksət* / *inksət* 'за тебя'; *sojń (soń) inksəndza(ə)* / *inksəndza(ə)* 'за него / неё'; *śiń inksəst* / *inksəst* 'за них'. Однако, параллельно с вышеуказанными формами во многих говорах юго-восточного и частично центрального диалектов выявляются и синтетические образования форм личных местоимений. Сравни:

центр. д.	юго-зап. г.	мокш. лит.	перевод
<i>mońksən</i>	<i>mojńksən</i>	<i>moń inksən</i>	за меня
<i>tońksət</i>	<i>tojńksət</i>	<i>toń inksət</i>	за тебя
<i>sońksəndza(ə)</i>	<i>sojńksəndza</i>	<i>soń inksəndza</i>	за него/неё
<i>mińksə-nk/(-nək)</i>	<i>mińksənək</i>	<i>miń inksənk</i>	за нас
<i>t'ĩńksə-nt/ (-nənt)</i>	<i>t'ĩńksənənt</i>	<i>t'ĩń inksənk</i>	за вас
<i>śińksə-nst/ (-nəst)</i>	<i>śińksənəst</i>	<i>śiń inksəst</i>	за них

Анализ языкового материала показывает, что в образовании форм косвенных падежей личных местоимений огромное значение имеют лично-притяжательные суффиксы. Следует отметить, что первоначально представление о местонахождении чего-либо 'во мне', 'в тебе', 'в нём / ней', 'в нас', 'в вас', 'в них' могло быть выражено только как 'в моей внутренности', 'в твоей внутренности', 'в его внутренности' и т. д. Данный способ во многих уральских языках нарушился или совсем исчез, например, в саамском, прибалтийско-финских языках, но сохраняется в мордовских, ненецком, марийском. Например: ненецк. *mań ħandan(i)* 'от меня', *pydar ħandand* 'от тебя', *pyda ħanda* 'ему'; мар. *maj denem* 'со мной', *tej denet* 'с тобой' [17, 89].

Указательные местоимения в мокшанском диалектном ареале весьма разнообразны и функционируют в различном фонетическом оформле-

нии: *tä(e) / t'ite(ä) / t'ətä(e)* 'этот / тот', *täka(ə)* 'этот же', *täftama(ə)* 'такой же (как этот)', *tona / kajna / kajna* 'тот же, тот самый', *täka(ə)* 'этот же', *śä(e) / śičä(e) / śäčä(e)* 'тот', *śäka(ə)* 'тот же', *stama(ə)* 'такой же (как тот)', *śat / śhat* 'те, эти самые', *ñä(e) / ħat / ħatñe(ə)* 'эти', *ñaka(ə)*, *ñakätñe(ə)* 'эти же', *nona* 'тот же', *nonatñe* 'те же', *t'əñara(ə)*, *təñara(ə)* 'столько (по близкому расстоянию)', *śəñara(ə)*, *səñara(ə)* 'столько (по дальнему расстоянию)' и восходит к финно-угорскому языку-основе [14, 187]. Сложная картина указательных местоименных форм отмечена и в коми языке [15, 69].

Согласно материалу, в системе указательных местоимений выявляются новообразования, возникшие на основе древних местоименных корней, что обогатило данную систему новыми формами. Учитывая данные особенности, указательные местоимения условно можно разделить на следующие группы:

	зап. д.	мокш. лит.	перевод
местоименные образования, возникшие на основе контаминации древних местоименных корней	<i>t'ite, t'ət'e, t'ət'ä</i> <i>śiče, śäčä, śäče</i>	<i>t'ä</i> <i>śä</i>	ЭТОТ ТОТ
местоименные формы, возникшие из двух разнородных местоименных корней	<i>śhat < śä ħat</i>	<i>śat</i>	те, эти самые
местоименные образования, возникшие в результате агглютинации местоименных суффиксов или частиц к местоименным основам	<i>tona < to- (< *ty-) +</i> <i>-na (< *ny/nj)</i> <i>t'akə < t'ä + -ka</i> <i>śakə < śä + -ka</i>	<i>tona</i> <i>t'akə</i> <i>śakə</i>	ТОТ же, ТОТ самый ЭТОТ же ТОТ же

Вышеуказанные формы *t'ite*, *t'äte*, *t'ä'tä* 'этот', *šice*, *šäcä*, *šäce* 'тот' свойственны западному и частично переходному диалектам, возникли на основе контаминации древних местоименных корней (путём сложения одинаковых местоименных основ, где аффрикатизация *š* – следствие влияния *-t*). Данный способ отмечается и в образовании формы множественного числа *ñeñe* 'эти', который функционирует в эрызском языке.

В местоименных формах, возникших из двух разнородных местоименных корней на основе аналитической конструкции *šnat* > *šä nāt* 'это те', выявляются корни различных указательных местоимений: *šä(e)* 'этот' + *ñä(e)* 'эти' + аффикс множественного числа *-t*. Подобные образования зафиксированы также в говорах западного диалекта мокшанского языка.

Местоименные образования, возникшие в результате агглютинации местоименных суффиксов или суффиксальных частиц к местоименным

основам, состоят: а) *tona* 'тот самый' < указательно-местоименная основа *to* (< ф.-у. **ty*) и местоименный суффикс *-na* (< **ny* / *nŷ*); б) *takə* 'этот же', *šakə* 'тот же' < местоимения *t'ä* 'этот', *šä* 'тот' и постпозитивный суффиксальный элемент *-ka* с усилительным значением. Как отмечал Б. А. Серебренников, «большинство мордовских указательных местоимений представляют собой конгломерат из указательно-местоименных основ с добавлением эмфатических частиц» [17, 97].

В парадигмах словоизменения указательных местоимений выявляются характерные особенности, специфика присоединения падежных формантов и посессивных аффиксов.

В мокшанском диалектном ареале указательные местоимения *t'ä(e)* 'этот', *šä(e)* 'тот' принимают формы чаще неопределённого, определённого и реже притяжательного склонения и отличаются от мокшанской литературной нормы лишь фонетическим оформлением. Сравни:

центр. д.	юго-вост. д.	зап. д.	смеш. д. (в.-алат. г.)	мокш. лит.
<i>t'ä / t'e</i>	<i>t'e</i>	<i>t'it'ä / t'ite / t'ät'ä(e)</i>	<i>t'ä</i>	<i>t'ä</i> 'этот'
<i>šä / še</i>	<i>še</i>	<i>šicä / šice / šäcä(e)</i>	<i>šä</i>	<i>šä</i> 'тот'
<i>ñä / ñe / ñat</i>	<i>ñe / ñat</i>	<i>ñä / ñe šnat</i>	<i>ñiñe šnat</i>	<i>ñä / ñat</i> 'эти'

Местоименные образования *t'it'ä / t'ite / t'ät'ä(e)* 'этот', *šicä / šice / šäcä(e)* 'тот' изменяются по типу неопределённого склонения и имеют форму номинатива, генитива и датива: *t'it'än / t'iteñ / t'äteñ* 'этого', *šicän / šiceñ / šäceñ* 'того'; *t'it'änd'i / t'iteñd'i / t'äteñd'i* 'этому', *šicänd'i / šiceñd'i / šäceñd'i* 'тому'.

Синтетические формы аблатива, инессива, элатива, иллатива местоимений *t'ä / t'e* 'этот', *šä / še* 'тот' теряют свою основную семантику и воспринимаются как вспомогательные слова (в роли частиц) или же переходят в разряд наречий: абл.

šada(ə) čebär 'лучше (того)', инес. *t'asa* 'здесь', элат. *t'asta* 'отсюда', иллат. *t'aza / t'azj* 'сюда' [9, 13].

В верхне-алатырских говорах мокшанского языка функционируют формы *t'ä-ñ-ftäma(ə)*, *šä-ñ-ftäma(ə)*, *ñä-ñ-ftäma(ə)*, ср. мокш. лит. *t'a-ftämä*, *ša-ftämä*, *ña-ftämä*, в которых к местоименным основам агглютинируют показатели генитива *-ñ* и абессива *-ftäma(ə)*.

Формы компаратива указательных местоимений в диалектах мокшанского языка образуется двояко:

	центр. д.	юго-вост. д.	зап. д.	мокш. лит.
агглютинация падежного форманта <i>-ška</i> непосредственно к местоименной основе	<i>t'äška</i>	<i>t'eška / t'äška</i>	-	<i>t'äška</i> 'ростом как этот'
	<i>šäška</i>	<i>šeška / šaška</i>	-	<i>šäška</i> 'ростом как тот'
на основе генитива, где элемент суффикса <i>-č</i> – результат аффрикатизации <i>š</i> > <i>č</i> .	<i>t'änčka / t'eñčka</i>	-	<i>t'änčka / t'eñčka</i>	-
	<i>šänčka / šeñčka</i>	-	<i>šänčka / šeñčka</i>	

Формы компаратива при субстантивации могут принимать лично-притяжательные суффиксы: ном. *t'ä-ška-c* / *t'e-ška-c*, *šä-ška-c* / *šeška-c*; ген. *t'ä-ška-n-c* / *t'e-ška-n-c*, *šä-ška-n-c* / *seška-n-c*; дат. *t'ä-ška-n-cti* / *t'e-ška-n-cti*, *šä-ška-n-cti* / *seška-n-cti* и т. д.

Абессив как и компаратив образуется: 1) при помощи падежного форманта, который агглюти-

нирует непосредственно к основе (*t'a-ftamä* 'без этого', *ša-ftamä* 'без того'); 2) на основе генитива указательного местоимения (зап. д. *t'e-ñ-ftamä* 'без этого', *ša-ñ-č-ftamä* 'без того') [9, 7].

В говорах центрального и юго-восточного диалектов мокшанского языка наличествуют формы, которые характерны для определённого склонения:

	единственное число	множественное число
Ном.	<i>t'äc</i> 'этот', <i>šäc</i> 'тот'	<i>t'ät'ñä</i> 'эти', <i>šät'ñä</i> 'те'
Ген.	<i>t'ät'</i> 'этого', <i>šät'</i> 'того'	<i>t'ät'ñäh</i> 'этих', <i>šät'ñäh</i> 'тех'
Дат.	<i>t'äti</i> 'этому', <i>šäti</i> 'тому'	<i>t'ät'ñähdi</i> 'этим', <i>šät'ñähdi</i> 'тем'

Указательные местоимения *t'ä* / *t'e* 'этот', *šä* / *še* 'тот' употребляются с лично-притяжательными суффиксами: ном. *t'a-c* 'этот', *ša-c* 'тот', ген. *t'a-n-c* 'этого', *ša-n-c* 'того', дат. *t'a-n-c-ti* 'этому', *ša-n-c-ti* 'тому' и т. д., где падежный формант абессива **-ftamä** агглютинирует не к корневой морфеме, а к аффиксу притяжательности, что не свойственно для мокшанского литературного языка: абес. *t'a-n-c-ftamä* 'без этого', *ša-n-c-ftamä* 'без того'.

Формы местоименного образования *tona* 'тот самый' менее употребительны, кроме номинатива, генитива, датива и каузатива.

В некоторых говорах юго-восточного диалекта, а также в рыбкинско-мамолаевских говорах центрального диалекта мокшанского языка в роли указательных местоимений выступают образования *kajtna* / *kajna*, указывающие на дальнее расположение говорящего, ср.: юго-вост. д. *kajtna* / *kajna viřes*, рыбк.-ммл. г. *kajtna* / *kajna viřes*, мокш. лит. *šä viřs* / *tona viřs* 'лес (тот)'

Диалектные формы *kajtna*, *kajna* образованы от местоимения *tona* 'тот самый' (остаточный элемент от основы **to-** + местоименный суффикс **-na**) + усилительная частица **kaj-**: *kaj+tona* > *kajtna* / *kajna*. В парадигме словоизменения у данных образований отсутствуют формы транслатива и каузатива [9, 8].

Качественно-указательные местоименные образования *t'aftama(ə)* 'такой же как этот', *stama(ə)* 'такой же как тот' не изменяются и употребляются в роли определения. Например: ед. ч.: *t'aftama(ə) kud* 'такой дом', *t'aftama(ə) št'ir* 'такая девушка'; мн. ч.: *t'aftama(ə) kutt* 'такие дома', *t'aftama(ə) št'iRt* 'такие девушки'. Суб-

стантивированные формы данных образований, как отмечал А. П. Феоктистов, изменяются по типу неопределённого, определённого и притяжательного склонений, причём в притяжательном склонении выражают не только падежные отношения, но и отношения принадлежности: *t'aftamäze* 'такое (моё) как это', *t'aftamäce* 'такое (твое) как это', *t'aftamäc* 'такое (его) как это' [19, 145].

В некоторых говорах западного и частично переходного диалектов выявляется образование *ekstama(ə)* 'такой', которое имеет общее происхождение с формой эрзянского языка *išt'amo* 'такой' и представляет собой сложное образование из местоименных основ и суффиксов.

Количественно-указательные местоименные образования *t'əñara(ə)* / *təñara(ə)* 'столько (по близкому расстоянию)', *šəñara(ə)* / *səñara(ə)* 'столько (по дальнему расстоянию)' также являются сложными: местоимения *t'ä* 'этот' / *šä* 'тот' + количественный послелог *ñar*, который обозначает приблизительное количество в сравнении с каким либо определённым количеством [18, 137]. В говорах западного диалекта в образованиях *təñara(ə)*, *səñara(ə)* в анлауте слов используется непалатализованный согласный.

Следует отметить, что многие указательные местоимения имеют форму как единственного, так и множественного числа, некоторые лишь множественного числа, например: *ñä(e)* / *ñat* 'эти', *pona* 'тот же'. В мордовских языках формы с основой на **n-**, который сохранился лишь в некоторых языках, указывают на множественность и выступают как супплативные формы. Не редко на основу местоимения агглютинирует

аффиксы множественности **-t** и определённости **-ñä(e)**, частицы: *ña-t / ña-t-ñä(e,ə)* ‘эти’, *nona-t / nona-t-ñe(ə)* ‘те’, *ña-t-ka / ña-t-ñä-vək* ‘и эти’, *nona-t-ka / nona-t-ñä-vək* ‘и те’ [9, 8].

Как отмечал Д. В. Бубрих, в финском языке наблюдается точно такое же построение множественного числа указательных местоимений. Множественное число выражается не только аффиксом, но и основой на **n-**: при *tämä* ‘этот’ мы находим *nämä* ‘эти’, при *tio* ‘тот’ – *nio* ‘те’, при *se* ‘этот, тот’ – *ne* ‘эти, те’. Подобное явление зафиксировано и в марийском языке: *tid'e* ‘этот’ – *ñiñe* ‘эти’ [5, 76].

В говорах юго-восточного и западного диалектов зафиксированы отличительные образования косвенных падежей от местоимения *ñat* ‘эти’ аналогичные формам местоимения *ñeñ* ‘этих’ эрзянского языка: дат. *ñändi / ñeñdi* ‘этим’, абес. *ñäñfiätä / ñeñfiätä* ‘без этих’, кауз. *ñänksa / ñeñksa* ‘за этих’. Подобные падежные образования характерны и для сложного местоимения *śñat* ‘эти’: ген. *śñäñ / śñeñ* ‘этих’, дат. *śñändi / śñeñdi* ‘этим’, кауз. *śñänksa / śñeñksa* ‘за этих’ [6, 376].

Указательные местоименные образования во многих говорах западного диалекта согласуются с определяемым словом в числе, что не свой-

ственно для мокшанского литературного языка, но характерно для многих финно-угорских языков: зап. д. ед. ч.: *śe moräś* ‘эта песня’, мн. ч.: *śñat moräñe(ə)* ‘эти песни’ [6, 375–376].

Обсуждение и заключение

Таким образом, первичные местоименные разряды занимают особое место среди указательных слов не только в мокшанском и эрзянском, но и во многих финно-угорских языках [10, 272].

Суммируя вышеизложенное, можно констатировать следующее: а) в словоизменительной парадигме местоимений выявляется утрата или сокращение падежных и местоименных формантов; б) вытесняются синтетические формы падежей аналитическими конструкциями; в) выявляются новообразования, возникшие в результате слияния древних местоименных основ и обогатившие систему местоимений диалектов мокшанского языка новыми формами; г) наличествуют архаичные формы прамордовского языка или финно-угорского языка-основы; д) отмечается стремление к уменьшению произносительных затрат, что выражается в упрощении форм, в употреблении минимума формантов.

Сокращения

в.-алат. – верхне-алатырские говоры мокшанского языка

зап. д. – западный диалект мокшанского языка

мокш. лит. – мокшанский литературный

ненецк. – ненецкий язык

рыбк.-ммл. г. – рыбкинско-мамолаевские говоры центрального диалекта

центр. д. – центральный диалект мокшанского языка

юго-зап. г. – юго-западные говоры западного диалекта мокшанского языка

юго-вост. д. – юго-восточный диалект мокшанского языка

эрз.яз. – эрзянский язык

абес. – абессив

абл. – аблатив

ген. – генитив

дат. – датив

иллат. – иллатив

инес. – инесив

кауз. – каузатив

ном. – номинатив

элат. – элатив

Список источников и литературы

1. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. К вопросу об аккумуляции личных местоимений в эрзянских диалектах Заволжья и южного Урала // Филологический аспект, 2020. № 11 (67). С. 13–18.
2. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Падежные парадигмы с посессивными суффиксами в эрзянских говорах новомалыклинского района ульяновской области // Linguistica Uralica. 2020. Т. 56. № 2. С. 81–97.
3. Ананьина К. И. Верхне-алатырские говоры мокшанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1974. 20 с.
4. Балакин П. Г. Местоимения в мордовских языках // Записки научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР. Саранск: Мордов. госуд. изд-во, 1948. Вып. 10. С. 69–100.
5. Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1953. 265 с.
6. Деваев С. З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 2. С. 261–433.
7. Ермушкин Г. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам. М.: Наука, 1984. 142 с.

8. Иванова Г. С. Реляционная парадигматика отрицательных местоимений в мокшанском языке (на примере инсарского диалекта) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. № 2. С. 191–198.
9. Левина М. З. Эволюция местоимений в диалектах мокшанского языка: автореф. дисс... канд. филол. наук. Саранск, 2003. 18 с.
10. Левина М. З. Роль первичных местоимений в образовании наречий в мордовских языках (сравнительный аспект) // Вестник угроведения, 2018. Т. 8. № 2. С. 268–274.
11. Левина М.З. Лингвогеографические данные о категории числа существительных (на материале мокшанских диалектов) // *Linguistica Uralica*. 2021. Т. 57. № 2. С. 102–112.
12. Липатов С. И. Местоимения и их формы в диалектах мокшанского языка // Вопросы морфологии эрзянских и мокшанских диалектов (словообразование и словоизменение). Саранск: МГУ, 1977. С. 31–45.
13. Майтинская К. Е. Местоимения в мордовских и марийском языках. М.: Наука, 1964. 104 с.
14. Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979. 263 с.
15. Сажина С. А. Указательные местоимения в языке кировских пермяков // Финно-угорский мир. 2018. Т. 10. № 2. С. 68–76.
16. Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 390 с.
17. Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. 262 с.
18. Современный марийский язык: Морфология. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 321 с.
19. Феоктистов А. П. Категория притяжательности в мордовских языках. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. 184 с.
20. Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами лингвиста-финноугроведа. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. Ч. 5. 284 с.
21. Цыганкин Д. В., Иванова Г. С. Ассимилятивный потенциал сингармонизма в языках агглютинативного типа // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 3. С. 510–518.
22. Цыганкин Д. В., Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Архаичные и инновационные явления в падежных парадигмах эрзянских диалектов Заволжья и Южного Урала // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13. № 3. С. 254–264.
23. Balázs J. Funktionswerte der Pronominalität. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1973. 240 p.
24. Collinder B. *Fenno-ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages*. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1955. 211 p.
25. Ojansuu H. *Itämerensuomalaisten kielen pronominioppia*. Turku: Turun yliopisto, 1922. 145 p.
26. Szinnyei J. *Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft*. Aufl. 2. Berlin–Leipzig: Göschen, 1922. 133 p.
27. Vertes E. *Die osztjákischen Pronomina*. Budapest: Akadémiai Kiadó. 1967. 272 p.

References

1. Agafonova N. A., Ryabov I. N. *K voprosu ob akkuzative lichnykh mestakhimieniy v erzyanskikh dialektakh Zavolzh'ya i yuzhnogo Urala* [To the issue about the accusative of the personal pronouns in the Erzya dialects of the Volga Region and Southern Urals]. *Filologicheskij aspekt* [Philological Aspect], 2020, no. 11 (67), pp. 13–18. (In Russian)
2. Agafonova N. A., Ryabov I. N. *Padezhnyye paradigmy s possessivnymi suffiksami v erzyanskikh govorakh novomalyklinskogo rayona ul'yanovskoy oblasti* [Case paradigms of the possessive suffixes in the Erzya dialects spoken in the Novomalyklinsky District of Ulyanovsk Oblast]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 2020, no. 56 (2), pp. 81–97. (In Russian)
3. Ananyina K. I. *Verkhne-alatyrskiye govory mokshanskogo yazyka* [Upper Alatyr dialects of the Moksha language]. Tartu, 1974. 20 p. (In Russian)
4. Balakin P. G. *Mestoimeniya v mordovskikh yazykakh* [Pronouns in the Mordovian languages]. *Zapiski nauchno-issledovatel'skogo instituta pri Sovete Ministrov Mordovskoy ASSR* [Notes of the Research Institute under the Council of Ministers of the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic]. Saransk: Mordov. gosud. izd-vo Publ., 1948. Vol. 10. pp. 69–100. (In Russian)
5. Bubrikh D. V. *Istoricheskaya grammatika erzyanskogo yazyka* [Historical grammar of the Erzya language]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1953. 265 p. (In Russian)
6. Devaev S. Z. *Sredne-vadskiy dialekt moksha-mordovskogo yazyka* [Middle Vadian dialect of the Moksha-Mordovian language]. *Ocherki mordovskikh dialektov* [Essays on Mordovian dialects]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1963. Vol. 2. pp. 261–433. (In Russian)
7. Ermushkin G. I. *Areal'nyye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam* [Areal studies of the Eastern Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1984. 142 p. (In Russian)
8. Ivanova G. S. *Relyatsionnaya paradiigmatika otritsatel'nykh mestoimeniy v mokshanskom yazyke (na primere insarskogo dialekta)* [Relational paradigmatics of negative pronouns in the Moksha language (on the example of the Insar dialect)]. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2020, no. 14 (2), pp. 191–198. (In Russian)

9. Levina M. Z. *Jevoljucija mestoimenij v dialektah mokshanskogo jazyka* [Evolution of pronouns in dialects of the Moksha language]. Saransk, 2003. 18 p. (In Russian)
10. Levina M. Z. *Rol' pervichnykh mestoimenij v obrazovanii narechij v mordovskikh yazykakh (sravnitel'nyy aspekt)* [The role of primary pronouns in the formation of adverbs in the Mordovian languages (comparative aspect)]. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studies], 2018, no. 8 (2), pp. 268–274. (In Russian)
11. Levina M. Z. *Lingvogeograficheskiye dannyye o kategorii chisla sushchestvitel'nykh (na materiale mokshanskikh dialektov)* [Linguo-geographic data about the category of the number of a noun (based on the Moksha dialects)]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 2021, no. 57 (2), pp. 102–112. (In Russian)
12. Lipatov S. I. *Mestoimeniya i ikh formy v dialektakh mokshanskogo jazyka* [Pronouns and their forms in the dialects of the Moksha language]. *Voprosy morfologii erzyanskikh i mokshanskikh dialektov (slovoobrazovaniye i slovoizmeneniye)* [Issues of the morphology of the Erzya and Moksha dialects (word formation and inflection)]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 1977. pp. 31–45. (In Russian)
13. Maytinskaya K. E. *Mestoimeniya v mordovskikh i marijskom jazykah* [Pronouns in the Mordovian and Mari languages]. Moscow: Nauka Publ., 1964. 104 p. (In Russian)
14. Maytinskaya K. E. *Istoriko-sopostavitel'naya morfologiya finno-ugorskikh yazykov* [Historical and comparative morphology of the Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 263 p. (In Russian)
15. Sazhina S. A. *Ukazatel'nyye mestoimeniya v yazyke kirovskikh permyakov* [Demonstrative pronouns in the language of the Kirov Permyaks]. *Finno-Ugorskiy mir* [Finno-Ugric World], 2018, no. 10 (2), pp. 68–76. (In Russian)
16. Serebrennikov B. A. *Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov* [Historical morphology of the Permian languages]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1963. 390 p. (In Russian)
17. Serebrennikov B. A. *Istoricheskaya morfologiya mordovskikh yazykov* [Historical morphology of the Mordovian languages]. Moscow: Nauka Publ., 1967. 262 p. (In Russian)
18. *Sovremennyy mariyskiy yazyk: Morfologiya* [Modern Mari language: Morphology]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1961. 321 p. (In Russian)
19. Feoktistov A. P. *Kategoriya prityazhatel'nosti v mordovskikh yazykakh* [Category of possessiveness in the Mordovian languages]. Saransk: Mord. kn. izd-vo Publ., 1963. 184 p. (In Russian)
20. Tsygankin D. V. *Mordovskiye yazyki glazami lingvista-finnougroveda. Chast' 5: monografii* [Mordovian languages through the eyes of a Finno-Ugric linguist. Part 5: monographs]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2015. 284 p. (In Russian)
21. Tsygankin D. V., Ivanova G. S. *Assimilyativnyy potentsial singlarmonizma v yazykakh agglutinativnogo tipa* [Assimilative potential of vowel harmony in languages of agglutinative type]. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (3), pp. 510–518. (In Russian)
22. Tsygankin D. V., Agafonova N. A., Ryabov I. N. *Arkhaichnyye i innovatsionnyye yavleniya v padezhnykh paradigmakh erzyanskikh dialektov Zavolzh'ya i Yuzhnogo Urala* [Archaic and innovative phenomena in the case paradigms of the Erzya dialects of the Trans-Volga Region and Southern Urals]. *Finno-Ugorskiy mir* [Finno-Ugric World], 2021, no. 13 (3), pp. 254–264. (In Russian)
23. Balázs J. *Funktionswerte der Pronominalität*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1973. 240 p. (In German)
24. Collinder B. *Fenno-ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages*. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1955. 211 p. (In German)
25. Ojansuu H. *Itämerensuomalaisten kielten pronominioppia*. Turku: Turun Yliopisto, 1923. 145 p. (In Finnish)
26. Szinnyei J. *Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Aufl. 2*. Berlin–Leipzig: Göschel, 1922. 133 p. (In German)
27. Vertes E. *Die osztjákischen Pronomina*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967. 272 p. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Левина Мария Захаровна, заведующий кафедрой мордовских языков Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат филологических наук.

Lev.Mariya@mail.ru

ORCID 0000-0002-7808-2187

Левин Николай Викторович, аспирант, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1).

levin.kolya19971997@mail.ru

ORCID 0009-0005-4756-5169

ABOUT THE AUTHORS

Levina Maria Zakharovna, Head of the Department of the Mordovian Languages, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya St., 68/1), Candidate of Philological Sciences.

Lev.Mariya@mail.ru

ORCID 0000-0002-7808-2187

Levin Nikolay Viktorovich, Graduate Student, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya St., 68/1).

levin.kolya19971997@mail.ru

ORCID 0009-0005-4756-5169